

На правах рукописи

Владими́рова Татьяна Леони́довна

РИМСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы
Института языковой коммуникации
ГОУ ВПО «Томский политехнический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Татьяна Тимофеевна Уразаева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ольга Борисовна Лебедева

кандидат филологических наук
Любовь Сергеевна Прохорова

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет»

Защита диссертации состоится «29» ноября 2006 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «24» октября 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л. А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние десятилетия отечественное и зарубежное литературоведение характеризуется активизацией интереса к разным аспектам «культурного текста».

Термин «текст», изначально являвшийся объектом лингвистики, сейчас широко используется в других гуманитарных науках: философии, культурологии, эстетике, литературоведении. Исследование текста как объекта литературоведения было начато М. М. Бахтиным, Ю. М. Лотманом, чьи идеи в дальнейшем легли в основу современной теории текста, разрабатываемой В. Н. Топоровым, Б. М. Гаспаровым и др.

Новое понимание текста открыло большие возможности для интерпретации художественных произведений. Методология изучения городского текста, разработанная В. Н. Топоровым на примере Петербургского текста русской литературы,¹ оказалась необыкновенно плодотворной, что обусловило появление в отечественном и зарубежном литературоведении целого ряда работ по данной тематике².

В процессе самопознания нации органичным является желание осмыслить «свое» и «чужое» пространство как категорию культуры. В этом контексте освоение русским сознанием европейских локусов, формирование городских текстов Европы в национальной культуре и литературе представляется важным аспектом гуманитарных исследований. Изучение локального текста позволяет поставить вопрос о проблеме отражения национального самосознания в текстовых реализациях. Помимо названных смысловых аспектов, тексты русской литературы, посвященные крупнейшим европейским городам, несут в себе мощный коммуникативный заряд, обретая форму осмысления чужого мира и понимания «своего» в процессе диалога культур.

Особое место в русской литературе, связанной с постижением чужого пространства, занимает Рим, который, как и некоторые другие значительные города, имеет свою мифологию и образует свой собственный городской текст. Термин «римский текст» ввел в научный оборот В. Н. Топоров. Римский текст, ядро которого было оформлено Вергилием, «имел свои продолжения и варианты как в латинской поствергилианской поэзии, так и за пределами римской литературы в разноязычных европейских традициях

¹ См.: Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – С. 259–367.

² См.: Барабаш Ю. Я. Подтексты «петербургского текста» (-их, -ов). «Невский проспект» и «Портрет» // Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 19–33; Феномен Петербурга. – СПб., 2000. – 432 с.; Шубинский В. И. Город мертвых и город бессмертных. Об эволюции образов Петербурга и Москвы в русской культуре XVIII – XX вв. // Новый мир. – 2000. – № 4. – С. 146–156; *Pietroburgo Capitale Della Cultura Russa* [Петербург – столица русской культуры]. Сборник статей / Под ред. А. Д'Амелия. – Салерно, 2004 и др.

Средневековья и Нового времени вплоть до наших дней»³. Развивая мысль исследователя, можно говорить о том, что и в русской литературе присутствует Римский текст. Более того, русские поэты и писатели первой трети XIX в. предвосхитили восприятие Рима как текста: «Рим – *книга*: кто прочитает ее?» (К. Н. Батюшков), «я читаю этот *роман* [о Риме – Т. В.] каждый день...», «*чтение* мое бесконечно» (Н. В. Гоголь)⁴.

Особое место Рим занимает в творчестве Н. В. Гоголя. Писатель является не только одним из основателей Петербургского текста русской литературы⁵, но и «главным автором, создателем русской версии мифа о Риме»⁶. Вечный город в художественном мире Гоголя представлен не столько как историко-географическая реальность, закрепленная в конкретных пространственных границах, сколько как знак или символ особого художественного пространства, содержащего в себе кроме территориально-географических ряд внепространственных признаков (искусство, природа, религия).

В гоголеведении неоднократно предпринимались попытки осмысления места и значения Рима в жизни и творчестве писателя. Первую попытку такого осмысления предпринял П. В. Анненков, считавший, что влияние Рима проявилось в «отвращении» писателя к «европейской цивилизации», в «наклонности» к «художническому уединению», в «сосредоточенности мысли»⁷. Исследования последних десятилетий подтверждают, что данный вопрос не потерял своего значения и научного интереса (Е. Анненкова, О. Матвеева, А. Моторин, И. Серман, Р. Хлодовский, С. Шварцбанд, А. Янчевская и др.). Заслуживают внимания «биографические штудии» (Ю. В. Манн) зарубежных исследователей, в частности в итальянской русистике появился ряд разысканий, основанных на неизвестных архивных данных, связанных с пребыванием Гоголя в Риме (В. Гасперович, Р. Джулиани, Г. Маццителли и др.)⁸.

Многочисленные обращения литературоведов к повести Гоголя «Рим» обусловили появление целого ряда научных работ. Предметом исследования становились разные аспекты: проблемы жанра и стиля (Е. Анненкова, Д. Броджи Беркоф, Р. Джулиани и др.), образ героя и героини (Р. Джулиани, Г. Фридлиндер и др.), пространства и времени (В. Кривонос и др.), различные образы и мотивы (Л. Паклина, К. Соливетти и др.), литературный генезис (М. Вайскопф, А. Романо и др.),

³ Топоров В. Н. Вергилианская тема Рима // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 203.

⁴ Здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) курсив наш – Т. В.

⁵ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – С. 277.

⁶ Топоров В. Н. Вергилианская тема Рима // Исследования по структуре текста. – С. 214.

⁷ Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М., Правда, 1989. – С. 62.

⁸ См.: Гоголь и Италия: Материалы Международной конференции. – М.: РГГУ, 2004. – 285 с.; Гоголь как явление мировой литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 400 с.

место повести в истории русской литературы (В. Паперный, А. Янушкевич и др.).

Таким образом, **актуальность** диссертационного исследования обусловлена возросшим интересом гуманитарных наук к феномену текста, а также потребностью современного литературоведения в формировании новых подходов к изучению творчества Н.В. Гоголя.

Объектом исследования является Римский текст в творчестве Гоголя, **предметом** – семантика и функционирование элементов Римского текста в произведениях писателя.

Цель работы – рассмотрение Римского текста в творчестве Гоголя как целостной художественно-эстетической системы.

Достижение цели основывается на решении следующих **задач**:

- 1) проанализировать семиотические параметры Рима как историко-культурного ландшафта;
- 2) выявить римский интерпретационный код⁹ в западноевропейской литературе рубежа XVIII–XIX вв.;
- 3) рассмотреть основные составляющие русской литературной римлианы¹⁰ (топос «вечного города», мифообразы итальянских поэтов, образ «гения чистой красоты», темы поэтического вдохновения, взаимоотношения творческой личности и власти и др.);
- 4) обозначить основные элементы Римского текста, функционирующие в творчестве Гоголя;
- 5) выявить художественное своеобразие гоголевской римлианы.

Цель и задачи обусловили круг **материалов**, легших в основу исследования: произведения западноевропейской и русской литературы, в которых отражаются темы, образы, идеи, мотивы, связанные с осмыслением Рима, а также произведения Гоголя, которые наиболее репрезентативны с точки зрения функционирования элементов Римского текста – раннее творчество, статьи, эпистолярное наследие, повести.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые:

1. Выделен в самостоятельный предмет системного изучения Римский текст в творчестве Гоголя;

⁹ Термин «код» вводит Р. Барт, анализируя рассказ Бальзака «Сарразин» (См.: Барт Р. S/Z. М., 1994. – С. 28–33). Н. Е. Меднис использует понятие «интерпретационный код», говоря о флорентийской теме в русской поэзии XIX–XX вв. Этот код «задает стратегию выстраивания и восприятия всего, что пребывает в пределах флорентийского поэтического поля» (См.: Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. – С. 131).

¹⁰ Мы вводим термин «римлиана» по аналогии с термином «венетиана», принадлежащим Н. Е. Меднис (См.: Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск. Изд-во Новосибирского ун-та, 1999. – С. 11). По всей вероятности, исходя из латинского написания топонима «Roma», корректнее было бы говорить «романиана», однако, на наш взгляд, данное понятие представляется менее удачным из-за своей неоднозначности. Исходя из русского топонима «Рим», мы предлагаем термин «римлиана».

2. Рассмотрены истоки Римского текста в широком контексте западно-европейской и русской литературы;
3. Выявлены основные составляющие русской литературной римлианы;
4. Проанализированы текстообразующие элементы Римского текста в творчестве Гоголя и их семантика;
5. Выявлено своеобразие гоголевской римлианы как одной из индивидуальных модификаций Римского текста русской литературы.

Методологическую и теоретическую основу работы составляют исследования структурно-семиотической школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов); сравнительного литературоведения (В. М. Жирмунский, В. Э. Вацура, Р. М. Горохова и др.); историков литературы (Г. А. Гуковский, Г. М. Фридендер, Ю. В. Манн, А. С. Янушкевич и др.), работы по изучению локальных текстов русской литературы (Н. Е. Меднис, С. Л. Константинова, В. В. Абашев, А. П. Люсый и др.).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее основных положений и полученных результатов в учебно-педагогической деятельности при чтении вузовских курсов по истории русской и зарубежной литературы XIX в.; в разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам изучения творчества Гоголя, а также городских текстов русской литературы.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования изложены в виде докладов на Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» [Томск, ТГУ, 2003, 2005]; на Международной научной конференции «Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты» [Томск, ТПУ, 2003, 2004]; на научной конференции «Творчество Н. В. Гоголя на пересечении традиций» [Томск, ТГУ, 2003]; на Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» [Томск, ТПУ, 2002, 2005]; на VI Филологических чтениях «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мета- и реинтерпретация» [Новосибирск, НГПУ, 2005]; на IV Международной конференции «Прикладная филология и инженерное образование» [Томск, ТПУ, 2006]. Результаты диссертации обсуждались на научном аспирантском семинаре кафедры русского языка и литературы ИЯК ТПУ [2006]. Основное содержание работы отражено в девяти публикациях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рим обладает способностью порождать собственный текст в русской литературе.
2. В западноевропейской литературе в конце XVIII – начале XIX вв. оформляется римский интерпретационный код, задающий координа-

ты рецепции элементов Римского текста в русской словесной культуре.

3. В русской литературе первой трети XIX в. формируется уникальная поэтическая римлиана – круг текстов, в которых представлена система образов, тем, идей, мотивов, связанных с Римом.
4. В творчестве Гоголя складывается целостный Римский текст как одна из индивидуальных модификаций русской литературной римлианы.
5. Городские тексты в творчестве Гоголя – Петербургский и Римский – вступают в ассоциативно-семиотические отношения, благодаря чему выявляется своеобразие каждого.
6. Рим в творческом сознании Гоголя не просто является местом действия, конкретным географическим пространством, а становится моделью художественного пространства, культурно-эстетической утопией.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, трех приложений. Библиографический список включает 268 наименований. Основной текст диссертации изложен на 172 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, дается история вопроса, характеризуется материал и методы его изучения, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Истоки Римского текста в творчестве Н. В. Гоголя» посвящена описанию сложившейся в истории западноевропейской и русской литературы ситуации общеромантического интереса к Риму, которая привела к формированию Римского текста.

Раздел 1.1. «Формирование римского интерпретационного кода в западноевропейской литературе рубежа XVIII–XIX вв.» посвящен описанию римского интерпретационного кода, разные грани которого, на наш взгляд, наиболее полно и ярко представлены в творчестве Гёте («Римские элегии», «Итальянское путешествие»), Жермены де Сталь («Коринна, или Италия»), Байрона («Паломничество Чайльд-Гарольда»), Стендаля («Прогулки по Риму», «Рим, Неаполь и Флоренция», итальянские хроники и др.). Впечатления писателей и поэтов о Вечном городе не только отражают их индивидуальные особенности восприятия, но и дают общее представление о Риме, формирующее римский интерпретационный код, который, в свою очередь, задает координаты рецепции элементов Римского текста в русской литературе.

Сформировавшийся римский интерпретационный код включает различные аспекты: метафизический¹¹ (соотношение города и мира, Рим как пространство любви), историософский (образы Древнего Рима и современного, тема падения Римской империи), искусствоведческий (архитектура, живопись, литература), этнографический (образы народа и народной культуры, римского карнавала), психологический (чувства и эмоции, порождаемые пространством Вечного города) и др.

Гоголю оказались внутренне близки как созданный Гёте идеализированный образ Рима, гармонически соединяющий разные эпохи, так и эстетическое осмысление Стендалем пространства Вечного города. Принципиальным является отмеченный Гёте на страницах «Итальянского путешествия» процесс «второго рождения», который будет иметь большое значение в творчестве Гоголя. Темы политической и творческой свободы, взаимоотношения творческой личности и власти, противопоставления идеалов Древнего Рима современности, являющиеся основными в римском интерпретационном коде в творчестве Жермены де Сталь, будут необыкновенно популярны в русской литературной римлиане (в частности в творчестве Кюхельбекера, Рылеева и др.), как и линия, связанная с байроновской критикой римской цивилизации (в творчестве Баратынского, Лермонтова).

В литературах Западной Европы выработались устойчивые характеристики (*античный, вечный, старый, древний, великий, свободный, всемогущий, знаменитый, гордый*) и ассоциативные атрибуты Рима («*князь земли*», «*столица мира*», «*владычица мира*», «*страна солнца*», «*земля мечты*», «*город души*», «*семихолмная столица*», «*земной эдем*», «*обитель красоты*», «*столица искусств*»).

Немаловажен тот факт, что многогранно оформиться римскому интерпретационному коду позволило разнообразие родов и жанров: лирика, поэма, роман, новелла, автобиография, критические статьи, путевые заметки, письма и др.

Формирование римского интерпретационного кода в западноевропейской литературе оказало влияние и на русскую словесную культуру. Принципиально важной для нас является попытка продемонстрировать, что литературные процессы, в частности формирование романтизма и интерес к «чужому» пространству, в Европе, а позднее и в России проходили синхронно. Это свидетельствует о том, что Вечный город был своеобразным символом эпохи.

Творчество мадам де Сталь и Стендаля способствовало тому, что для многих романтиков 30-х гг. Италия и Рим становятся излюбленным местом, где развивается действие их произведений. Импровизации Коринны из одноименного романа де Сталь оказали влияние на творчество Пушкина (образ итальянского импровизатора в «Египетских ночах»). Традиции Бай-

¹¹ Метафизика города с точки зрения исследователей городских текстов – это типичные черты, определяющие его уникальность.

рона в восприятии Рима будут продолжены в русской поэзии (тема былого величия Рима в творчестве Е. А. Баратынского и М. Ю. Лермонтова). Интерес Пушкина к Италии или, выражаясь словами М. Н. Розанова, «порывы к Италии» «зародились при ближайшем участии воздействий байроновской поэзии»¹².

Сложившаяся в западноевропейской литературе интерпретационная парадигма Римского текста будет развиваться и в русской литературе. Именно в русской словесной культуре в начале XIX в. начинает складываться уникальная литературная римлиана.

В разделе 1.2. «Русская литературная римлиана» рассматриваются основные семантические параметры пространства Рима, выработанные русской национальной традицией, а также анализируются ключевые моменты поэтической римлианы (Рафаэль и его картина «Сикстинская мадонна», мифообразы Тассо и Данте, образ Рима в творчестве русских поэтов), сформированные русской литературой, их функционирование в творчестве русских романтиков (Вяземского, Баратынского, Батюшкова, Жуковского, Кюхельбекера, Лермонтова, Пушкина, Шевырева).

В многочисленных исследованиях «городского текста» ставится вопрос о способности того или иного города породить текст. На наш взгляд, собственный текст образует город, во-первых, так или иначе вступающий в ассоциативно-семиотические связи с Петербургским текстом, а во-вторых, город, несущий в себе амбивалентные характеристики, имеющий в своей истории лимиальность – «жизнь над бездной» и «удержание на краю». В Петербургском тексте это проявляется в конфликте природы и человека. Лондон, Венеция имеют те же эсхатологические мифы.

Жизнь Рима «над бездной» в русском культурном сознании связана с известным, ставшим хрестоматийным выражением – «Москва – третий Рим»¹³. Первый Рим связан с Римской империей, после падения которой произошло разделение церквей. Второй Рим – Константинополь – тоже пал. Но в то же время «первый» Рим до сих пор находится на своем прежнем месте, получив статус Вечного города. Каждый год в канун Пасхи с площади Св. Петра звучит знаменитое обращение: «Urbi et orbi» (городу и миру).

С точки зрения положения в семиотическом пространстве Рим относится к городам концентрического типа, являясь «идеализированной моделью вселенной», «он *считается* центром». Такой город, как правило, расположен на горе (или на горах), является посредником между небом и зем-

¹² Розанов М. Н. Пушкин и Данте // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XXXVII. – Л., 1928. – С. 12.

¹³ Подробнее о концепции «Москва – третий Рим» см.: Кудрявцев М. П. Москва – третий Рим: Историко-градостроительное исследование. – М.: Сол Систем, 1994. – 256 с.

лей, порождает многочисленные мифы генетического плана – это «вечный город», так как он имеет начало, но не имеет конца¹⁴.

В русской культуре Рим занимает особое место. Вечный город стал моделью при создании Петербурга. Петр I создавал город, свою империю, по образу Римской империи, поэтому в Петербурге очень много точек пересечения с Римом: название города, архитектурный облик, мифологема империи. Рим и Петербург получили название от своих основателей. «Само название «Санкт-Петербург» таит в себе возможность двойного прочтения, поскольку эпитет «святой» может относиться как к Петру (апостолу или императору), так и к *городу*»¹⁵. Рим называют городом Святого Петра, который является покровителем Вечного города. В русской культуре Москва является метафорой Рима (Москва – третий Рим), в то время как Петербург – символом Рима, он «являет Рим в себе самом, насколько одна сверх-историческая реальность может явиться посредством другой»¹⁶. Многие архитектурные сооружения Петербурга связаны с Римом, его культурой и традициями.

Восприятие итальянской (римской) культуры в России первой трети XIX в. шло очень интенсивно. Италия стала символом романтической высоты искусства, родиной невыразимого романтического идеала, отчизной искусства и художников. В русской поэзии начала XIX в. формируется литературная римлиана, в которой представлен условно-поэтический образ Рима. Рим и Италия являются взаимозаменяемыми понятиями: во-первых, Италия выступает как наследница Римской империи, а во-вторых, Рим является эталоном города – это город вообще, модель мира. Эта идея отражена в латинских словах *urbis – orbis*, а палиндром Рим – мир в русском языке органично продолжает ее.

Ключевыми звеньями литературной римлианы являются образ Древнего Рима и связанные с ним темы величия и падения Римской империи; республиканские идеалы – свобода, закон; образы природы, искусства, имена знаменитых римлян.

С пространством Рима связана тема поэтического вдохновения и образ «чистой красоты», воплотившиеся в легенде о Рафаэле, заслуга в разработке которой в русской литературе принадлежит В. А. Жуковскому (статья «Рафаэлева Мадонна»). Легенда о Рафаэле и образ Мадонны были в центре внимания русской литературной жизни. Они оказали большое влияние на становление русской романтической эстетики, важной особенностью которой являлось представление о преображающей, воспитатель-

¹⁴ См.: Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 208. (Курсив автора).

¹⁵ Лотман Ю. М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство – СПб», 2002. – С. 355. (Курсив – Ю. М. Лотмана). (Курсив автора).

¹⁶ Бухаркин П. Е. Судьбы петербургского текста русской литературы // Мир русского слова. – 2003. – № 1. – С. 89.

ной функции искусства. Кроме прямых упоминаний художника и его картины (Лермонтов, Баратынский, Рылеев), «рафаэлев» сюжет в русской поэзии становится эстетической категорией, входит в идейно-художественное содержание произведений (философия «невыразимого» в творчестве Жуковского, образ «гения чистой красоты» в лирике Жуковского, Пушкина).

Важной составляющей русской литературной римлианы становятся темы поэта и власти, творческой свободы, связанные с именами Овидия, Данте, Тассо. Образ Тассо в европейской и русской литературе стал символом Поэта. Можно говорить, что культ романтического поэта, преследуемого судьбой и обществом, и тема поэта и толпы, которую столь активно разовьют именно романтики, ведет свое начало от Тассо. К. Н. Батюшков и В. К. Кюхельбекер не только проецируют судьбу итальянского поэта на свою собственную, но и изображают трагическую участь стихотворца в своем творчестве. Любовь к Тассо Батюшков пронес через всю свою жизнь, его образ стал символом трагической участи гения на земле. В разные годы он обращался к личности и творчеству итальянского поэта (послание «К Тассу», элегия «Умиравший Тасс» и примечание к ней, прозаические и стихотворные переводы из «Освобожденного Иерусалима»: из I и XVIII песен). Творческая деятельность Батюшкова определила дальнейшее развитие и функционирование образа Тассо в русской поэзии. В творчестве русских поэтов-романтиков он, с одной стороны, представлен как символ Рима (в широком смысле – Италии), а с другой – как символ Поэта. Мифообраз Данте, являясь наряду с Тассо символом поэта-изгнанника, является и символом национального поэта, выразившего патриотические идеи – стремление нации быть единой.

Образ Рима в русской поэзии первой трети XIX в. сопровождают универсальные словесные лейтмотивы: *вечный, древний, могучий, великий, гордый, державный, свободный, пышный, признательный, печальный, буйный, развратный, порочный, падший*. В поэтической римлиане складываются ассоциативные представления о Вечном городе: «*всемирная столица*», «*земля священная*», «*земля любви*» и «*гармонии*», «*край родной*», «*лучший мир*», «*град бессмертья*», «*град свободы*», «*священный град*», «*отец народов*», «*рай земной*», «*кладбище славы*», «*отчизна варваров*», «*край разврата*», «*язычество*», «*христианство*». Амбивалентный характер данных представлений определяет своеобразие русской поэтической римлианы.

В русской поэзии первой трети XIX в. сформировался своеобразный «римский ономастикон»: политический (Цицерон, Цезарь, Кассий, Брут, Катон, Катилина), поэтический (Овидий, Гораций, Вергилий, Тибулл, Тассо, Ариосто, Петрарка, Данте), топографический (семь холмов, Капитолий, Ватикан, Тибр), «архитектурный» (Пантеон, Форум, Колизей, собор св. Петра).

Важную роль в формировании литературной римлианы сыграло творчество Гоголя, в котором не только получили дальнейшее развитие уже функционирующие элементы, но и появились новые образы, мотивы, идеи.

Вторая глава «Римлиана Н. В. Гоголя» посвящена описанию элементов Римского текста, а также анализу их семантики и функционирования в творчестве писателя.

В разделе 2.1. «Стихотворные опыты Н. В. Гоголя в контексте литературной римлианы» анализируется раннее творчество писателя (стихотворение «Италия», поэма «Ганц Кюхельгартен»).

Литературный процесс первой трети XIX в. оказал влияние на Гоголя-гимназиста. С юношеских лет Италия прочно вошла в сознание будущего писателя. Расцвет эстетического культа Италии в России «провоцировал» появление многочисленных обращений к этой стране.

Первая проба пера интересна тем, что в гоголевской общеромантической картине мира появляются ключевые образы и мотивы формирующегося Римского текста. Италия осознается им как страна искусства и красоты, прекрасной южной природы: «*всю страну объемлет вдохновенье*», «*на всем печать протекшего лежит*», «*великое творенье*», «*здесь низок мир холодной суеты*», «*ночь вся вдохновеньем дышит*», «*земля красой упоена*», «*земля любви*», «*Рафаэль и Торкват*», «*небеса прекрасные блестят*».

В стихотворении появляются характерные для романтизма образы природы: «бежит, шумит волна», «по небу солнце ходит», луна «глядит на мир, задумалась и слышит...», образы *моря*, наводящего «чудные мечты», *ночи*, которая «вся вдохновеньем дышит», *луны*, являющейся свидетелем того, как «октавы <...> пленительно вдали звучат и льются». Как и у романтиков, ночь и луна у Гоголя становятся свидетелями поэтического творения. Стихотворение насыщено романтическими штампами: «чудные мечты», «блестательный сад», «пламенный путник», у которого «душа кипит», «в очах слеза» и др.

Юношеский интерес Гоголя к Италии впоследствии оформится в авторскую художественную систему, историософскую концепцию. Литературное восприятие Италии как «рая земного» через несколько лет обернется для Гоголя реальностью, когда конкретный топос станет воплощением идеального пространства. Созданный в стихотворении идиллический образ Италии вновь появится в письмах Гоголя из Рима.

Слова «Италия – идеал» имеют внутреннюю рифму. Можно предположить, что для молодого Гоголя понятия «Италия» и «идеал» были взаимозаменяемы, о чем свидетельствует поэма «Ганц Кюхельгартен», герой которой отправляется в путешествие в поисках идеала. «Идиллия в картинах» – подражание как русской, так и европейской поэтической традиции. Юный поэт соединил разнообразные жанры (баллада, дума, идиллия, различные типы элегии), что, несомненно, свидетельствует о многообразной литературной ориентации самого Гоголя.

Ганц Кюхельгартен – типичный романтический герой, состояние духа которого связано с путешествием: как и байроновского Чайльд-Гарольда, его влекут чужие страны. Образ Ганца – это набор общеромантических штампов, начиная с внешности («глаза торжественно блестят», «взор туманен») и заканчивая характеристикой его душевного состояния («Все не по нем, всему не рад», «Чудесной мыслью очарован... К чему-то тайному прикован»). В поэме представлен традиционный конфликт романтиков – несовпадение мечты и реальности: Ганц полон идеальных стремлений, которые не могут воплотиться, как ему кажется, в его родном Люненсдорфе, поэтому он решает отправиться в путешествие. Конфликт поэмы заключается в столкновении идиллического мира Люненсдорфа с большим миром.

Уже в этой первой, не совсем удачной, попытке видны будущие гоголевские темы и приемы. «Ганц Кюхельгартен» – «первая идиллия» (В. В. Гиппиус), которая предшествовала первому сборнику Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Сюжет первого произведения (поэмы) повторится и в последнем произведении Гоголя – повести «Рим». Хронотоп путешествия определяет сюжет повести, римский князь также испытывает «разворожение» мечты и возвращается домой из центра (Парижа) в «захолустье» Европы – в Рим (именно так осознавалась Италия в 40-ые годы XIX в.).

Таким образом, раннее творчество Гоголя органично вписывается в контекст русской литературной римлианы: Италия является идеалом, к которому стремится лирический герой. Элементы Римского текста функционируют в гоголевских поэтических опытах: страна осознается как пространство вечной любви и весны, искусства, вдохновения. Кроме того, важной представляется гоголевская интерпретация пространства Италии как идиллического, воплотившаяся в поздней повести «Рим».

В разделе 2.2. «Эпистолярное наследие Н. В. Гоголя в русской литературной римлиане» выявляются основные текстообразующие элементы Римского текста на материале писем из Рима.

В последнее время эпистолярный Гоголь привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей в разных аспектах (Е. Анненкова, Ю. Орлицкий, Е. Падерина, И. Серман, С. Шварцбанд и др.).

Жизнь Гоголя – постоянное путешествие, бесконечные переезды из одного места в другое: Васильевка – Нежин – Петербург – Любек – Москва – Германия – Швейцария – Франция – Италия – Иерусалим – Оптина пустынь. Путешествие длиною в жизнь. Гоголь многократно отмечал в своих письмах, что не может жить без дороги, движения. Проехав практически через всю Европу (Германия – Швейцария – Франция – Италия), посетив многочисленные города, Гоголь останавливается в Риме. Италия, а точнее Рим, станут второй родиной писателя.

Письма Гоголя из Италии содержат как богатый фактический материал о стране, Риме, итальянской культуре, так и размышления об искусстве,

истории, религии. В своем восприятии (или описании) Рима Гоголь «конструировал» свою модель идеального пространства. Рим в письмах образует оппозицию как с европейскими (Париж, Женева, Лозанна, Петербург), так и с итальянскими городами (Милан, Неаполь).

Возникнув и оформившись в последние десятилетия XX в., парадигма интерпретации городских текстов позволяет исследовать традиционный материал (в данном случае эпистолярное наследие) в новом ключе. По аналогии с Петербургским текстом русской литературы мы исследуем Римский текст на материале писем Гоголя. Пользуясь методологией В. Н. Топорова, в качестве элементов Римского текста в письмах Гоголя мы выделяем материально-культурную, духовно-культурную и природную сферы.

Материально-культурная сфера определяет феномен Рима как города: церкви, живописные «исполины-развалины», «картинные галереи», «арки Колисея», Академия художеств, виллы, гроты, дома, улицы («великолепные дворцы», «дряхлые» двери, «совсем темные» стены). Римские фонтаны являются неотъемлемой частью городского пейзажа («покрытые мхом безносые тритоны извергают все время вверх воду»). Доминантой римского пространства становятся церкви («ни в каком городе в мире нет столько церквей»). Римский ландшафт представлен многочисленными куполами церквей, среди которых выделяется «бессмертный», «вечный» купол собора св. Петра.

В письмах возникает оппозиция Петербург («самый новый из всех городов», «гладенький», «чистый») – Рим («самый старый», «старинный город в Европе»), позволяющая выявить своеобразие каждого из городов, что дает представление писателя об идеальном пространстве. В Петербурге «холодно и для тела и для души», в Риме «убитая душа воскреснет», «найдет успокоение», обретет «свежесть и силы».

В Римском тексте Гоголя Рим показан как город, в котором история и современность представляют единое целое. Вечный город является своеобразной иллюстрацией многовековой истории человечества: среди материальных свидетельств истории (Колизей, Форум, Пантеон, собор св. Петра и др.) человек ощущает себя частью целого, мировой истории. Историческое время запечатлено в пространственных формах, и одно вне другого не существует. Рим осознается Гоголем как город, органично соединяющий в себе эпохи, религии, культуры («ему 2588-й год», «на одной половине его дышит век языческий, на другой христианский»).

Важным текстообразующим элементом Римского текста, определяющим его специфику, является природа: небо представлено как воплощение абсолютного верха, символ величия и непостижимости, особое внимание уделяется цветовой гамме римского неба («серебряный блеск», «атласное сверкание»). «Вечно зеленеющие» деревья, куполовидные сосны, «темные, как воронье крыло», кипарисы являются неотъемлемой частью римского

пейзажа, как и «голубые, матовые, как бирюза», горы. Особое внимание уделяется описанию воздуха, которое в данном случае совпадает с мифологической трактовкой воздуха как одухотворяющего, животворящего начала («божественный», «благословенный», «целительный», «прозрачный», «действует спасительно»).

Противопоставление природы Петербурга и Рима («зато в Петербурге нет кипарисов; зато в Петербурге небо серое и туманное, а здесь оно ясное и синее») образует более сложную, бытийную, оппозицию: Север – Юг. В одном из писем возникает ассоциативный ряд: Россия – сон – небытие. Оппозиция Север – Юг, характерная для эпохи романтизма, по мнению Ю. М. Лотмана, является трансформацией противопоставления «небытие – бытие». Север – «сон», «постепенное замирание», Юг – это «жизнь», «движение», «интенсивность бытия», «родина»¹⁷.

Из субстратных элементов природной сферы формируются климатический и ландшафтный аспекты описания города в Римском тексте. Климатический аспект подчеркивает идею вечной жизни итальянской природы. Ландшафтный аспект Римского текста выявляет своеобразие города, его неповторимость («это город и деревня вместе», «райская пустыня посреди города»).

В Римском тексте писем Гоголя возникает ряд метафор: Рим – «бездонное море», «небо», «роман или эпопея», «картина старинного автора», которые подчеркивают бесконечность процесса постижения, открытия новых смыслов. Субъективная оценка Рима выявляет внутреннее состояние, чувства, переживания, обусловленные окружающим пространством. В гоголевских описаниях Рима выделяются устойчивые предикаты: «*всматриваюсь*», «*вижу*», «*смотрю*», «*гляжу*», «*чувствую*», «*помню*», «*читаю*». В письмах возникают константные мотивы «*родины души*», «*рая*», «*приюта*», «*святыни*».

Устойчивый мотив рая позволяет говорить о том, что в представлении Гоголя Рим являлся идеальным пространством. Образ рая в христианской литературной, иконографической и фольклорной традиции реализуется в трех направлениях: рай как сад, рай как город и рай как небеса. Символика рая в Римском тексте реализуется как через прямые номинации («рай», «вознесшийся на семи холмах», «обетованный рай», где «душу его обняло спокойствие»), так и через традиционные образы голубого неба, вечной весны, вечнозеленых деревьев, солнечного света, живительного воздуха.

Римские письма дают основание предполагать, что для Гоголя Вечный город ассоциировался с женским началом («как грустно оставить на один месяц Рим <...> мою красавицу, мою ненаглядную землю»). Природу города Гоголь также описывает через сравнение с женщиной («*италианская красавица*», «*италианская пейзажка, смуглая, сверкающая, с черными,*

¹⁷ Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. – Таллинн: Ээсти раамат, 1990. – С. 125.

большими-большими глазами, в платье алого, нестерпимого для глаз цвета, в белом, как снег, покрывале»). Традиционная для русской культуры ассоциативная номинация – Москва-матушка, Петербург-отец – дополняется у Гоголя образом молодой женщины. Топоним «Рим» в итальянском языке женского рода – *la citta di Roma, la bella Roma*.

Духовно-культурную сферу Римского текста Гоголя составляют религия, искусство, праздники. Вечный город осознается Гоголем как мировой центр религии, в котором постоянно ощущается незримое присутствие Бога («целой верстой здесь человек ближе к божеству»). Рим – центр католицизма, хотя до принятия христианства он был символом языческой культуры. Символами этих культурных эпох являются Пантеон (языческий храм всех богов) и собор св. Петра. Метафора «Рим-храм» подчеркивает важность религии для Гоголя, поэтому размышления о религии являются эстетически значимыми для пространства Римского текста. В Риме религия и искусство тесно связаны между собой: многие церкви украшены произведениями великих мастеров («в каждой церкви чудо живописи, старая картина»).

Особое значение для Римского текста имеет такой элемент духовно-культурной сферы, как искусство. Италия – страна искусства, родина великих живописцев – Рафаэля, Микеланджело, Корреджио, Тициана и др. Рафаэль, один из ключевых мифообразов русской римлианы, является символом Рима. Легенда о Мадонне, постулирующая духовное начало в искусстве, стала символом предопределяемого божественной волей творчества. В Риме духовность присутствует повсюду, ее материальное выражение представлено в многочисленных памятниках и шедеврах. В письмах Гоголя появляются репрезентанты литературной римлианы – Данте и Тассо. Эпистолярный писатель свидетельствует о его живом интересе к современной итальянской литературе, в частности он был знаком «с нынешним римским поэтом Belli», сонеты которого были им высоко оценены.

В письмах не остаются без внимания праздники, среди которых знаменитый римский карнавал. Многочисленные торжества римлян говорят о жизнерадостности народа, умении веселиться, испытывать радость бытия, несмотря на политическую ситуацию в стране того времени. День основания Рима, распустившиеся цветы, избрание кардинала – все становится поводом для праздника.

В пространство идеального места не вписывается реальность, за пределами эпистолярной рефлексии Гоголя остается действительность – политическая, социально-экономическая ситуация в Риме (и Италии) того времени. Италия к началу 30-х гг. XIX в. оставалась отсталой аграрной страной. Во второй половине 30-х – начале 40-х гг. ситуация в Папском государстве, столицей которого был Рим, была крайне напряженной. В 1837 г. в Риме и его пригородах неоднократно случались народные волне-

ния, вызванные безработицей, повышением цен на хлеб, распространением эпидемии холеры.

Рим – центр мировой истории, религии, искусства, город, в котором гармонично существует природно-естественное начало и цивилизация. Выявленные элементы Римского текста позволяют говорить, что Рим для Гоголя – культурно-эстетическое пространство, воплощение авторского идеала. Важными составляющими этого культурно-эстетического пространства являются природа, религия, история, искусство.

В разделе 2.3. «Римский текст повестей Н. В. Гоголя» рассматриваются основные смысловые доминанты Римского текста, вступающие в ассоциативно-семиотические отношения с Петербургским текстом, и их функционирование: образы пространства и времени, темы искусства и красоты, образ художника, образ карнавала.

Повесть «Рим» является одним из наиболее автобиографичных произведений Гоголя, она отражает его впечатления от жизни за границей и путешествий по Европе, философско-исторические взгляды.

Можно выделить несколько этапов изучения и осмысления гоголевской повести: прижизненная критика и критика XIX в., критика первой половины XX в., современное гоголеведение.

Опубликованный в 1842 г. «Рим» был воспринят немногочисленной критикой как нечто уже устаревшее (по форме и стилю), хотя и не лишенное элементов гоголевского реализма. В начале XX в. «Рим» рассматривался как «эстетический манифест» (В. Гиппиус) или как манифест «эстетической историософии» Гоголя (В. Зеньковский). В работах В. В. Гиппиуса, В. А. Десницкого, С. К. Шамбинаго высказывается ряд ценных соображений об идейном замысле и месте повести в развитии гоголевского творчества 40-х гг. Зарубежные интерпретаторы творчества Гоголя З. Рихтер и Д. Чижевский рассматривают повесть как выражение «эстетической утопии», которую они освещают в консервативном и мистическом духе.

Изучение повести «Рим» в разных аспектах находится в центре современного гоголеведения (Е. Анненкова, В. Кривонос, Ю. Лотман, Ю. Манн, В. Маркович, Г. Фридлиндер, Р. Хлодовский, А. Янушкевич и др.). Также заслуживают внимания разыскания зарубежных славистов (М. Вайскопф, В. Паперный, Е. Толстая), в том числе итальянских (Д. Броджи Беркоф, Р. Джулиани, А. Романо, К. Соливетти)¹⁸.

Основу повести составляет сопоставление двух европейских городов – столиц Парижа и Рима, которые становятся своеобразными символами настоящего и прошлого, сиюминутного и вечного. В контексте «Петербургских повестей» возникает антитеза Петербург – Рим, Россия – Италия, Север – Юг. Панорамные описания Петербурга перекликаются с описаниями

¹⁸ См.: Гоголь и Италия. Материалы международной конференции. – М.: РГГУ, 2004. – 285 с.

римских улиц в повести «Рим», что в контексте всего сборника приводит к расширению пространства.

Смысловой доминантой Римского и Петербургского текстов является пространство, а именно его бесконечность и замкнутость. Пространство Рима представлено не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости, которая в свою очередь реализована в виде ярусов. Нижний ярус составляют *дома, церкви, купола*, в описании которых акцентируется внимание на устремленности вверх, в небо («*возносился ... дворец*», «*на вознесенных мраморах и столпах*», «*возносили* верхи капитолийские здания с колоннами, статуями», «величественно и строго *подымалась* темная ширина коллизейской громады»). В архитектуре Рима большое внимание уделяется церковным куполам, которые становятся доминантой римского пространства. Особое место занимает «величественный купол Петра». Средний ярус занимают *деревья* («*летит вверх* кипарис», «темнели вдали своей черною зеленью *верхушки* каменных дубов», «целым стадом *стояли над ними* в воздухе куполообразные *верхушки* римских пинн, *поднятые* тонкими стволами»). И, наконец, верхний ярус – *горы* («*уходят вдаль* чудесные линии альбанских гор», «*возносились* и голубели прозрачные горы, легкие, как воздух»).

Кроме того, пространство Рима олицетворяет собой ход времени, воплощает разные исторические эпохи: здесь представлены в неразделимом единстве «мир древний», «средний век» и «новый век». Время, закрепленное в пространственных формах, приобретает в Риме статус вечности.

Принципиальным представляется соотношение пространства города с идиллией: «*идиллия* среди города: отдохавшее стадо козлов на уличной мостовой, крики ребятишек и какое-то невидимое присутствие на всей ясной торжественной тишины».

Повести «Невский проспект», «Портрет», «Рим» и статьи «Последний день Помпеи», «Исторический живописец Иванов» образуют своеобразный цикл текстов об искусстве и художнике, в котором Гоголь «этические вопросы (самостояния личности художника, его самозабвенного труда, самовоспитания в школе жизни и другие) связывает с эстетическими проблемами»¹⁹. Эти произведения важны для нашего ракурса осмысления проблемы с точки зрения функционирования в них элементов русской литературной римлианы: образ Рафаэля, тема искусства и красоты, образ художника.

Важной смысловой доминантой в третьем томе повестей становится искусство, которое неразрывно связано с пространством Рима и Италии. Повесть «Портрет» является эстетической программой Гоголя, здесь раскрывается его понимание искусства и истинного художника.

В творческом сознании Гоголя Италия представлена как страна искусства, родина великих мастеров – Рафаэля, Тициана, Микеланджело, Лео-

¹⁹ Дилакторская О. Г. Художественный мир петербургских повестей // Гоголь Н. В. Петербургские повести (серия «Литературные памятники»). – СПб., 1995. – С. 237.

нардо да Винчи, в творениях которых реализовано ренессансное представление о красоте человека. В сознании повествователя Рим является одухотворяющим началом, способным возродить душу человека.

Важными смысловыми доминантами Римского и Петербургского текстов являются карнавал и маскарад. В карнавале наиболее полно воплощается столь дорогая Гоголю идея всемирности, всеобщности: карнавал затягивает всех и вся – «от сорокалетнего до ребятишки». Центральными являются понятия всеохватности, всеобъемлемости («все, что ни накоплено», «веселость обнимает, как вихорь, всех», «вся римская молодежь», «все народонаселение Рима», «по всему Корсо», «всю ночь гремела по улицам музыка», «весь народ», «вся синьория», «все, все, все...»).

Образ народа по-разному лексически обозначается в тексте: «римляне», «римский народ», «гордая народность», «римская молодежь», «народонаселение Рима», «народная толпа», «пестрая куча», «народное движение». Гоголь выводит итальянский народ, изображая не просто Вечный город с его знаменитыми памятниками, а живой организм, который имеет свои особенности. В карнавале заключена особая философия: спасение нации, народа, может быть, именно в умении соединять прошлое и настоящее, традиции и современность, в способности видеть и ценить красоту. Первая и последняя повесть, в контексте как одного сборника, так и всего творчества Гоголя, тесно связаны между собой, объединены одной тематикой. «Рим» перекликается и с началом творчества Гоголя – первым рассказом первого сборника – с «Сорочинской ярмаркой», где главным событием становится изображение ярмарки (своего рода карнавального действия), естественной природной веселости украинского народа. Стихия народного праздника, описанная романтическими приемами в «Сорочинской ярмарке», вновь появляется в «Риме», воссозданная реалистическими средствами в сцене карнавала.

Своеобразной метафорой «Невского проспекта» становится маскарад, реализующийся через смену декораций, костюмов, масок. Маскарад, в отличие от карнавала или ярмарки, не является естественной природной стихией народной жизни, это салонная культура, замкнутая в пределах конкретного пространства.

Кажущееся противопоставление Петербурга и Рима, Рима и Парижа на самом деле является включением одного пространства в другое, частей в целое. Напряженные поиски идеала в мире распада, жестокости и одиночества выливаются в философскую концепцию последней повести Гоголя – «Рим». С пространством Рима оказываются неразделимо связаны основные смысловые доминанты Римского текста, функционирующие в творчестве Гоголя: пространственно-временная организация, темы искусства и красоты, образ художника, образ карнавала.

Таким образом, обращение к образу Рима было органично для Гоголя. Интерес к Вечному городу был обусловлен, прежде всего, самой эпохой,

литературными процессами, происходящими в ней. Процесс становления эстетики романтизма был многогранен, и развитие Римского текста в русской литературе – часть этого процесса. Но характерная особенность Гоголя в том, что осмысление Рима (Италии) не только проявляется на художественном уровне, но и выстраивается в целую этико-философскую и эстетическую систему, которая включает в себя различные аспекты его мировидения.

Римский текст в творчестве Гоголя рассмотрен как динамическая система – от юношеского стихотворения «Италия» до поздней повести «Рим». Этот творческий путь демонстрирует линии развития как гоголевской, так и русской литературной римлианы в целом. В письмах из Рима определились основные смысловые доминанты гоголевской римлианы, которые получают дальнейшее развитие в творчестве писателя. Повесть «Рим» открыла новый этап в творчестве Гоголя, результатом которого стала поэма «Мертвые души», а также книга «Выбранные места из переписки с друзьями», проповеднический тон которой неразрывно связан с общей историософской концепцией писателя, нашедшей свое выражение в повести «Рим». И в этом смысле гоголевская римлиана стягивает в единую систему все творчество писателя: от подражания в ранних произведениях до эстетического осмысления в «Арабесках» и философской концепции в «Риме».

Гоголевская римлиана оказывается тесно связанной с его концепцией искусства, эстетическим идеалом. Искусство должно учить людей, отсюда возникает тема нравственной ответственности художника за свои произведения. Элементы Римского текста входят в структуру произведений и проявляются на различных уровнях.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего исследования русской литературной римлианы.

В **Приложениях** приводятся таблицы, систематизирующие материалы Римского текста в аспекте заявленной проблематики: *Приложение 1* «Римский интерпретационный код в западноевропейской литературе рубежа XVIII–XIX вв.»; *Приложение 2* «Словарь русской литературной римлианы»; *Приложение 3* «Словарь гоголевской римлианы».

Для Гоголя Рим – это не просто пространственное понятие, место длительного проживания, но и определенная ценностная категория, связанная с этико-философскими и эстетическими размышлениями писателя, его «духовная родина».

Анализ творчества Гоголя позволяет сделать вывод о том, что в его произведениях оформляется целостный Римский текст. В гоголевской римлиане, одной из индивидуальных модификаций русской литературной римлианы, определились основные текстообразующие элементы: образы пространства и времени, темы искусства и красоты, образ художника, об-

раз карнавала. Образ Рима соотносится с авторским идеалом, не просто являясь местом действия, конкретным географическим пространством, а становясь культурно-эстетической утопией, моделью художественного пространства в его творчестве. Рим становится универсальным художественным мирообразом. Более того, в творчестве Гоголя Рим приобретает экзистенциальный смысл.

Творческий путь от стихотворения «Италия» (1829) до повести «Рим» (1842) – целая эпоха его художественного развития. Созданный в раннем творчестве идиллический образ Италии предвосхищает описание Рима в письмах Гоголя и в повести «Рим». Большинство структурообразующих элементов гоголевской римлианы являются значимыми структурными элементами жанра идиллии.

Оппозиция Петербургского и Римского текстов в творчестве Гоголя приобретает бытийный смысл противопоставления Севера и Юга. И в этом смысле писатель, родившийся на юге, в Малороссии, действительно воспринимал Рим как свою вторую «южную» родину.

Потенциал темы позволяет видеть возможность ее развития. Очевидно, перспективным является дальнейшее изучение Римского текста в творчестве Н. В. Гоголя («Ревизор» и «Мертвые души», сравнение редакций повести «Портрет»). Плодотворным представляется изучение жанровой формы «Рима» – «отрывка».

Основным признаком текста является способность к генерации сюжета. В русской литературе Римский текст порождает собственный сюжет возрождения души, воскресения, ставший впоследствии главным в русской классической литературе. В этом смысле плодотворным является рассмотрение элементов Римского текста во втором томе «Мертвых душ», в «Развязке “Ревизора”», которые реализуют важный для Гоголя сюжет возрождения души.

Не менее важным представляется изучение Римского текста в русской литературе второй половины XIX в., изучение функционирования элементов гоголевской римлианы в творческом наследии русских поэтов и писателей. Перспективным, на наш взгляд, является рассмотрение литературной римлианы XX в. (в частности в творчестве поэтов Серебряного века, в творчестве И. Бродского).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Владимирова Т. Л. Итальянская тема в русской литературе первой трети XIX в. («Мертвые души» Н. В. Гоголя) // Труды региональной науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Сибирская школа молодого ученого». – Т. III. Томск, 1999. – С. 81–82.

2. Владимирова Т. Л. Итальянская тема в русском романтизме первой трети XIX в. // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. науч. трудов ИЯК. – Вып. I. Декабрь 2001. – Томск. – С. 310–314.
3. Владимирова Т.Л. «Арабески» Н. В. Гоголя: проблема эстетической позиции // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сб. науч. ст. и тез. II Межвузовской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТПУ, 2002. – С. 95–99.
4. Владимирова Т. Л. Римский текст в Петербургских повестях Н.В. Гоголя // Теоретические и прикладные аспекты филологии: Сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ. – Томск: STT, 2004. – С. 288–291 .
5. Владимирова Т. Л. Рим в творческом сознании Н. В. Гоголя // Гоголь и время: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 94–100.
6. Владимирова Т. Л. Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя (на материале писем 1836–1841 гг.) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. мол. ученых 22–23 апреля 2005 г. – Вып. 6. – Ч. 2: Литературоведение. – Томск, ТГУ, 2005. – С. 48–51.
7. Владимирова Т. Л., Уразаева Т. Т. Смысловые доминанты Петербургского и Римского текстов в творчестве Н. В. Гоголя // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Том. политехнический ун-т, 2005. – Ч. II. – С. 48–58.
8. Владимирова Т. Л. Стратегии интерпретации культурного пространства города (на материале римских писем Н. В. Гоголя) // Прикладная филология и инженерное образование. Сб. науч. трудов IV Международной науч.-практ. конф. – Томск: Том. политехнический ун-т, 2006. – Ч. II. – С. 251–258.
9. Владимирова Т. Л. Легенда о Рафаэле в русской литературной римлиане // Вестник ТГПУ. Сер. Филология. – 2006. – № 8 (59). – С. 10–13.